

"Зингерталь, мой цыпочка, сыграй ты мне на скрипочка"

Напрасно дотошный читатель будет искать адрес этого кинотеатра (иллюзиона) в справочниках дореволюционной Одессы. Местонахождение иллюзиона под замысловатым названием "Биоскоп Реалитэ" мы находим в романе В.П. Катаева "Хуторок в степи". Итак, "...на Ришельевской, недалеко от Александровского участка" (здание с каланчой на этой улице. — **М. Б.**), а владелицей "Биоскоп Реалитэ" была вдова греческого подданного мадам Валиадис, "женщина предприимчивая и с большим воображением. Вполне возможно, что мадам была родственницей того Валиадиса, который описан в бессмертном романе И. Ильфа и Е. Петрова "Золотой теленок", того самого Валиадиса, который, как и его друзья, обломки коммерческого Черноморска (читай Одессы. — **М. Б.**), носил белый пикейный жилет и соломенную шляпу канотье. Все эти старики собирались под стенами столовой № 68, открытой на месте знаменитого в Одессе кафе-кондитерской Фанкони (в романе "Флорида". — **М. Б.**) на углу Екатерининской и Ланжероновской улиц. Старики мечтали о том счастливом дне, когда Черноморск будет снова объявлен "вольным городом". Пока же они горячо обсуждали вопросы "высокой политики"... Помните, читатель, как Остап Бендер спросил у 90-летнего зицпредседателя Фунта, положил бы Валиадис палец в рот французскому министру Аристиду Бриану, на что Фунт твердо ответил: "Ни за что!". Правда, авторы "Золотого теленка" так и не уточнили, почему же все-таки Валиадис не положил бы палец в рот Бриану: то ли потому, что знаменитый французский политик как ни как 11 раз занимал пост премьер-министра и 17 раз — министра иностранных дел, то ли потому, что Бриан со своим проектом пан-Европы больше всего утешал и пленил пикейных жилетов, и о нем они неизменно говорили: "Бриан! Вот это голова!".

Когда я уже написал все, что можно было о Валиадисе из "Золотого теленка", меня не оставляла мысль, что о Валиадисе я читал еще в одном литературном произведении, а именно — о владельце бакалейной лавки в Одессе, описанном в повести украинского писателя Ивана Микитенко "Уркаганы". Вполне мог бы похвастать, что об этом Валиадисе, тоже греке, я узнал даже больше, чем И. Ильф и Е. Петров о "своем" Валиадисе.

Конечно же, это шутка, авторам "Золотого теленка" вовсе не обяза-

тельно было, например, описывать внешность владельца бакалейной лавки... Дело в том, что друг детства Катаева, старейший краевед Одессы Евгений Ермилович Запорожченко, проживавший до самой своей кончины в Отраде, на улице Уютной, 7, так описал мне внешность Валиадиса, бакалейная лавка которого тоже находилась в Отраде, на улице Белинского: "Был Валиадис маленького роста, с короткими усиками и круглыми, словно сливы, черными глазами на полном лице". Так что владелица иллюзиона мадам Валиадис вполне могла бы быть родственницей и владельца бакалейной лавки. Конечно, без этих обширных литературных экскурсов и домыслов можно было бы и свободно обойтись, если бы... читаем у Катаева: "Она (мадам Валиадис. — **М. Б.**) наняла известного куплетиста Зингерталя, с тем чтобы он выступал перед каждым сеансом, и "любимец публики" Зингерталя стал петь "свои" неизменные куплеты — такие, как "Солдаты, солдаты по улицам идут", "Целуй меня, Мотька, еще раз, еще много, много раз", "Одесситка — вот она какая" и особенно популярные "Зингерталя, мой цыпочка, сыграй ты мне на скрипочка".

Но однажды мадам предложила Зингерталю обновить свой репертуар чем-нибудь политическим и подняла цены на билеты. После этого Зингерталя стал петь совершенно новые куплеты под названием "Галстуки, галстучки". В них были такие строчки: "У нашего премьера ужасная манера — на шею людям галстуки цеплять". Это был прозрачный намек на печально известные стольпинские виселицы. Реакция властей была мгновенной. Зингерталя в 24 часа "вылетал из города", мадам Валиадис разорилась на взятки полиции, а кинотеатр "Биоскоп Реалитэ" бесследно исчез...

Уже после войны, встретив Льва Марковича Зингерталя, я спросил его: "Лев Маркович, когда и как вы познакомились с Катаевым?". Как истый одессит он ответил вопросом на вопрос: "А кто вам сказал, что я был знаком с Катаевым? Просто у него гениальная память!".

Свой творческий путь Зингерталя начал очень рано в бродячем цирке-балагане, где двенадцатилетним мальчиком участвовал в клоунаде. А затем начинается долгая кочевая, полная невзгод жизнь куплетиста, целиком и полностью зависящая от воли его хозяев.

По-разному рекламировали Л.М. Зингерталя афиши, но чаще всего его называли "известным еврейским салонным комиком"...

По-своему уже после февральской революции использовали Зингерталя и других куплетистов большевики. Были организованы их выступления в кинотеатрах города, а сбор от выступлений артистов шел в пользу союза металлистов, который оказывал денежную помощь бастующим рабочим.

Зингерталь выступал тогда на подмостках иллюзиона "Люкс" в Треугольном переулке (ныне улица Утесова). Дело иногда доходило до курьезов. Так, куплетист Павел Троицкий, например, пел куплеты, в которых были слова: "Останутся товарищи и больше ничего!". Но откровенный антисоветский характер куплетов не смущал большевиков — им нужны были деньги.

В Одессе было немало актеров, которые, по выражению Утесова, "имели свое лицо". Безусловно, и Зингерталь имел свой неповторимый стиль, свою "маску".

В 30-е годы среди других уже блистали на эстраде братья Набатовы — Илья, он писал и исполнял куплеты на международные темы, и Леонид, который подбирал и сочинял музыку к тексту. В пору моего детства, я хорошо помню, что приезжая в Одессу, Набатовы часто останавливались у Зингерталя в нашем доме на улице Софиевской, 30. Их пребывание особенно запомнилось мне, потому что они угощали сына Зингерталя Рикку шоколадными конфетами, а он, если проигрывал нам, своим товарищам, в популярной до войны игре "в кинье" (оловянную битку бросали на такую же, лежащую на земле, затем измеряли расстояние между ними большим и указательным пальцами), иногда расплачивался не киноленточками, а половинкой, а то и четвертушкой конфеты... Никто не запрещал нам играть "в кинье", но мы почему-то скрывались от посторонних глаз на заднем (втором) дворе дома среди дощатых сараев, в которых жильцы хранили топливо на зиму — уголь и дрова...

Пройдут годы, и выйдет книга И. Набатова "Заметки эстрадного сатирика". В ней автор немало строк посвятил своему другу куплетисту Зингерталю: "На сцене всегда серьезный, даже грустный, на минорный мотив и с самым унылым видом Зингерталь пел, например, куплеты:

Я гигиену вполне изучил,
Пьянства себе не позволю никак,
Я от излишеств себя отучил,
И потому я такой здоровяк.

Здесь делалась пауза, во время которой зритель мог сопоставить слова куплета с щедрым обликом артиста. Далее шел такой нелепый припев:

Я умываюсь, купаюсь и сплю
Три раза в день,
Высшего сорта сигары курю
Три раза в день,
И комплименты жене говорю
Три раза в день.

В этих куплетах Зингерталя пытался изображать скучного и ограниченного неудачника, очень довольного самим собой. Набатов вспоминает, что в Самарканде он однажды выступал в дуэте с Зингерталем, который исполнял первые строчки частушки на русском языке, а Набатов заканчивал их двустихием на узбекском. Успех был колоссальным.

После войны Лев Маркович Зингерталя работал билетером в Летнем саду Одесской филармонии.

Беседую о Зингертале с конферансье Одесской филармонии народным артистом Украины Михаилом Бакальчуком:

— Помню, что "дядя Лева", как мы его называли, Зингерталя с женой летом жил в Горсаду в маленькой комнате за сценой. В этой комнате побывали многие звезды эстрады. Так, например, приезжая на гастроли в Одессу, бывал в гостях у Зингерталя Леонид Осипович Утесов. Однажды я встретил у него знаменитого конферансье Михаила Наумовича Гаркави. Лев Маркович и его жена Надежда Моисеевна радушно встречали гостей. А слава о фаршированной рыбе, приготовленной Надеждой Моисеевной "по-одесски", распространялась далеко за пределами Одессы...

Одессу часто и вполне справедливо называли "фабрикой эстрады". Наряду с В. Коралли, Г. Красавиным, П. Троицким и другими талантливыми эстрадными артистами Лев Маркович Зингерталя был замечательным мастером этой "фабрики".

